

БЕЛАРУСЬ

**КАК ВОСПРИНИМАЮТ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЛЮДИ,
ПЕРЕЖИВШИЕ ПЫТКИ
И/ИЛИ ЖЕСТОКОЕ
ОБРАЩЕНИЕ**

ПРАВАСНА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ

КОМИТЕТ

ПО РАССЛЕДОВАНИЮ

ПЫТОК В БЕЛАРУСИ

*(как спецпроект «Правовой инициативы»,
действующей в рамках проекта*

The International Accountability Platform for Belarus)

Беларусь

КАК ВОСПРИНИМАЮТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЛЮДИ, ПЕРЕЖИВШИЕ ПЫТКИ И/ИЛИ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

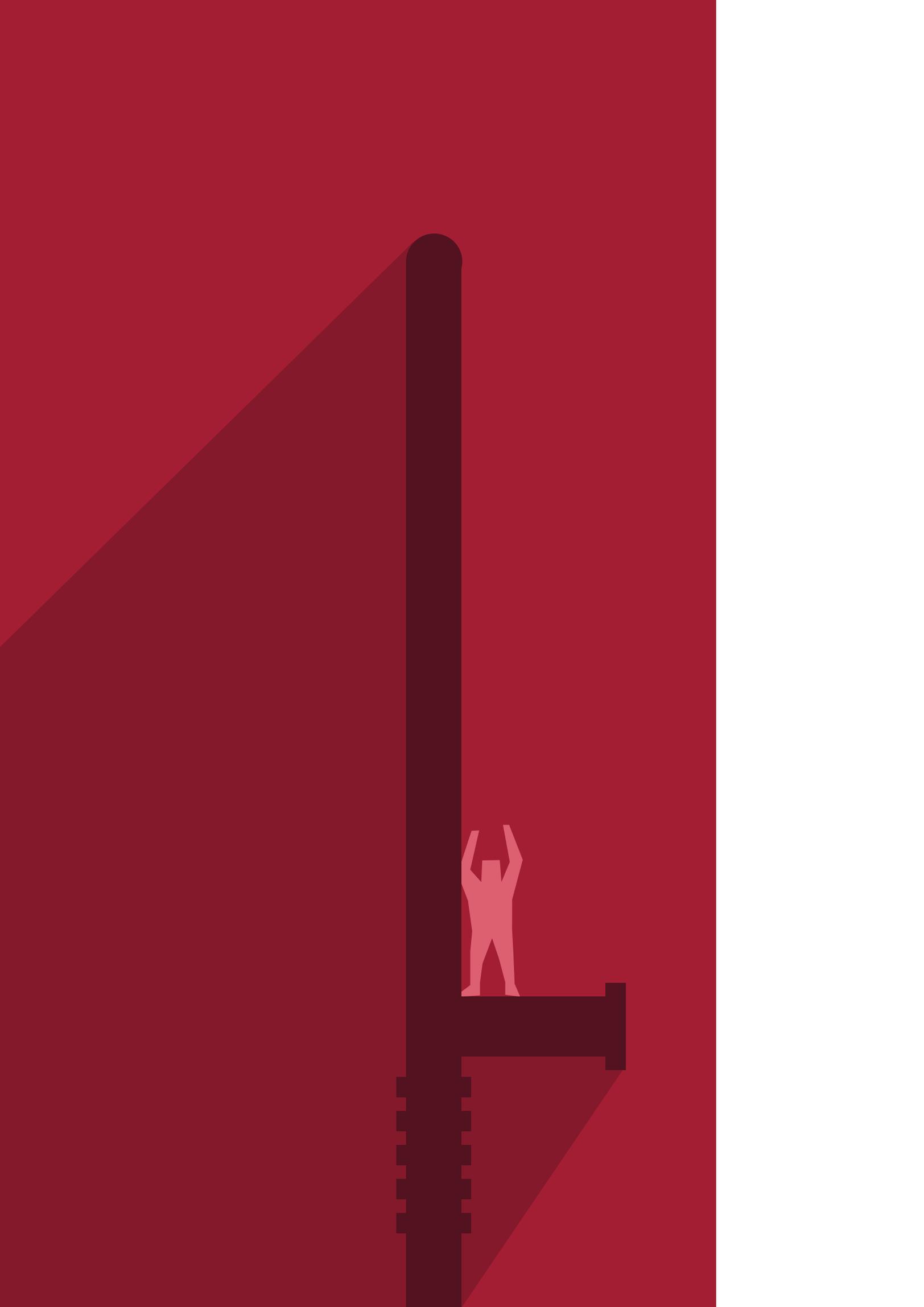
Аналитическое исследование

Руководитель исследовательской группы Геннадий Коршунов

Содержание

Введение	5
Правосудие для переживших пытки. Психологические аспекты	7
Правосудие для переживших пытки. Юридические аспекты	11
Национальные средства правовой защиты	11
Сроки давности	12
Международные средства правовой защиты	13
Методология исследования	17
Методика	19
Результаты исследования	22
Послесловие	39
Приложение	40

Введение

Жестокое подавление протестов в Беларуси, развернувшихся после фальсификации результатов президентских выборов в августе 2020 года, шокировало не только белорусов, но и весь мир. Презрение к закону, правовой произвол, ничем не ограниченное насилие и последующие политические репрессии были экстраординарными событиями в новейшей истории Восточной Европы.

Результаты социологических исследований свидетельствуют: тем или иным опытом личной причастности к насилию против протестующих были охвачены почти 100% продемократической или пропротестно настроенной части общества¹. Причина этого — произвол и насилие со стороны силовых структур на улицах белорусских городов и в местах ограничения свободы². Несмотря на все доказательства преступлений силовиков, ни одно уголовное дело против виновных в пытках и/или жестоком обращении до сих пор не возбуждено.

Более того, мы знаем, что и сегодня режим Лукашенко продолжает содержать заключенных в жестоких, пыточных условиях, целенаправленно ухудшая их положение и условия содержания. В этом смысле показательно, что «общественные» комиссии, проводящие проверки мест содержания под стражей, никогда не находят нарушений в условиях содержания заключенных³. Выхо-

дит, что люди, пережившие пытки и/или жестокое обращение, не могут рассчитывать на справедливость со стороны белорусского государства.

Социологическое исследование восприятия справедливости среди тех, кто пережил пытки и/или жестокое обращение в Беларуси, позволяет глубже понять, как пострадавшие видят правосудие, справедливость и восстановление своих прав.

Для переживших пытки и/или жестокое обращение правосудие или справедливость часто связаны не только с наказанием виновных, но и с признанием страданий, предоставлением компенсации и поддержкой в процессе реабилитации. Понимание того, как такие люди воспринимают справедливость, помогает создавать политики и программы, которые реально отвечают их потребностям и желаниям.

Ориентация на желания и потребности потерпевших является ключевым

¹ Коршунов, Г., Кудревич, М. Коллективная травма белорусского общества: масштабы и варианты проработки. ЦНИ, 2022.

² См. «Общественное расследование массовых пыток в Центре изоляции правонарушителей города Минска 9–14 августа 2020 года», «Пытки во Фрунзенском РУВД г. Минска», «Как пытали политзаключенных в Беларуси в 2022 году», «Human Rights Watch: Всемирный доклад 2024: Беларусь» и др.

³ Barometer of repression in Belarus: 1'2024.

аспектом процесса восстановления справедливости и перехода к демократии от диктатуры. Без учета мнения лиц, переживших пытки, жестокое обращение и другие формы физического и психологического насилия со стороны представителей государственных органов, любые усилия могут оказаться недостаточными или даже вредными. Учитывая голоса тех, кто пострадал, обеспечивается необходимая поддержка и создаются условия для полноценного восстановления после кризиса прав человека в Беларуси.

Включение мнений и опыта пострадавших в процесс формирования юридических и правозащитных мер является ключевым элементом в построении справедливого и гуманного общества. Их голоса и истории служат важным инструментом для обеспечения того, чтобы правосудие не только свершилось, но и воспринималось как справедливое теми, кто больше всего пострадал.

Поскольку наступивший в Беларуси кризис прав человека является крайне масштабным, можно высказывать сомнения, что все пострадавшие смогут добиться судебного преследования своих «обидчиков». Исследование ожиданий пострадавших белорусов и белорусок по достижению справедливости поможет быть уверенными, что существующие механизмы восстановления справедливости совпадают с реальными потреб-

ностями потерпевших от пыток и/или жестокого обращения.

Рано или поздно Беларусь столкнется с переходом от диктатуры к демократии. Этот процесс требует тщательной подготовки и взвешенного подхода, чтобы создать устойчивое и справедливое общество. Следует помнить о риске реализации правосудия «победителями». Так, иногда переходный период может стать трибуной исключительно для голоса пришедших к власти демократических лидеров, без учета мнений переживших пытки и/или жестокое обращение, непосредственно пострадавших от репрессий диктаторского режима.

Авторы работы уверены, что подобные исследования не только способствуют пониманию текущей ситуации, но и помогают в разработке долгосрочных стратегий по защите прав человека, формированию коллективной памяти, проработке травм и предотвращению подобных нарушений в будущем.

В данном исследовании мы покажем, как воспринимается мнение пережившего пытки о справедливости с точки зрения психологии и права. Мы рассмотрим потерпевших как субъект, на которых было направлено противоправное поведение, «поставим» их в позицию, влияющую на процесс восстановления справедливости, и озвучим их мнение.

*Мы ищем ответ на вопрос:
«Как эти люди воспринимают
справедливость в своем случае?»*

Правосудие для переживших пытки

Психологические аспекты⁴

4 Данный раздел подготовила Нимиша Патель, Professor of Clinical Psychology Professional Doctorate in Clinical Psychology Programme University of East London. 6 Комитет ООН против пыток, Замечание общего порядка № 3, 2012: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: применение статьи 14 государствами-участниками, CAT/C/GC/3, 19 ноября 2012 г., п. 15.

Правосудие как один из аспектов восстановления справедливости не получило достаточного признания и теоретического осмысления среди практиков здравоохранения. В результате этого психологические подходы к различным формам восстановления справедливости по своей сути четко не определены. Значительное внимание в психологической литературе о переживших пытки уделяется связи правосудия с реабилитацией и восстановлением здоровья — как нескольким из составляющих понятия *возмещение ущерба пострадавшим*.

Психосоциальное воздействие пыток широко известно и задокументировано. Оно включает в себя эмоциональное, когнитивное, поведенческое, экзистенциальное, социальное и межличностное воздействие на пострадавших; а также социальное воздействие и влияние на отношения внутри семьи и супружеской пары, родительские отношения пострадавших с детьми; наиболее широкое воздействие на сообщества, в которых живут пострадавшие, и на общество в целом⁵.

Люди, пережившие пытки, имеют право на специализированную и комплексную реабилитацию как форму возмещения ущерба. В то же время «доступ к реабилитационным программам не должен зависеть от того, обращаются

ли потерпевшие за судебной защитой»⁶. Тем не менее, по всему миру многие люди, пережившие пытки, не могут получить доступ к правосудию или комплексной, специализированной реабилитации. Психологическое воздействие отсутствия доступа к правосудию и отсутствия самого правосудия на тех, кто пережили пытки, является ключом к пониманию того, как во всем мире жертвы пыток продолжают страдать. При этом многие из них описывают отказ в правосудии как «продолжающуюся пытку».

Многие организации, специализирующиеся на реабилитации людей, переживших пытки, подчеркивают важность правосудия для реабилитации и восстановления пострадавших. Так, специалисты по медицинской реабилитации признают, что отсутствие правосудия препятствует психологическому восстановлению. Реабилитологи, работающие с жертвами пыток на Филиппинах, также утверждают, что «отказ в правосудии является постоянным раздражителем для психологических ран человека, пережившего пытки, [...] важность работы по обеспечению правосудия не должна и не может быть недооценена», а также «предотвращение пыток и политического насилия является неотъемлемой частью правозащитной работы, лежащей в рамках прогрессивного движения за

5 Patel, N. (2020) Psychological care for torture survivors, their families and communities. In M. Evans and J. Modvig (eds.) Research Handbook on Torture. Cheltenham: Edward Elgar; for reviews, see: Gurr, R. & Quiroga, J. (2001). Approaches to torture rehabilitation. Torture, 11(1) 1–35; Quiroga, J. & Jaranson, J.M. (2005). Politically-motivated torture and its survivors: A desk study review of the literature. Torture, 15(2–3), 1–112.

социальные изменения. [...] Если общество, в котором живут [пережившие пытки], продолжает порождать, поддерживать или совершать нарушения прав человека, полная реабилитация никогда не будет возможной⁷.

Уголовное расследование и преследование лиц, виновных в применении пыток, является не только важным аспектом принципа возмещения ущерба в международном праве, но и необходимо для того, чтобы жертвы могли начать судебное разбирательство с целью возмещения и восстановления справедливости и почувствовать, что они его получили⁸.

Существует мнение, что «судебное преследование и наказание служат возмездием и выражением морального осуждения общества» и что «привлечение к ответственности также делает значимыми страдания жертв и служит частичным возмещением, предотвращая акты мести и способствуя реабилитации жертв»⁹.

Обеспечение правосудия — расследование, преследование и наказание виновных — «противоположно тайной природе пыток как подавляющего орудия угнетения: при публичном разоблачении, признании и осуждении преступных действий сами пытки и их исполнители лишаются силы и легитимности»¹⁰. Для людей, перенесших пытки, правосудие может переживаться как публичное и официальное осуждение насильственных и пагубных действий государственной власти, стремящейся заставить их замолчать.

Воздействие отсутствия правосудия на людей, переживших пытки, часто опосредовано их представлениями о правосудии — что это такое, реально ли оно и достижимо ли в условиях их страны. Для многих переживших пытки идея правосудия ясна: «исправить ошибку», обеспечить независимое расследование, преследование и наказание, привлечь виновных к ответственности за причиненный ими вред. Однако в то же время для многих пострадавших правосудие — это

абстракция, юридическая формальность, недоступная и недостижимая. В частности, так происходит там, где не существует средств доступа к правосудию, где преступники остаются у власти и где отсутствие защищенности от репрессий лишает смысла любое желание добиваться правосудия, учитывая угрозу для жизни их самих и их близких.

Отсутствие законных и справедливых механизмов для обращения за правосудием и отсутствие доступа к нему приводят к тому, что жертвы не верят в возможность или доступность правосудия. Это означает, что многие из тех, кто пережили пытки, долгие годы несут в себе глубокие страдания, связанные с этим травматичным опытом, и вдобавок страдают от того, что им отказали в правосудии (продолжающаяся пытка). Доступ к правовым механизмам правосудия крайне важен с психологической точки зрения, поскольку он способствует установлению истины и справедливости, которые необходимы для успешного психологического завершения¹¹.

В то же время, стремление к правосудию и взаимодействие с механизмами правосудия также может быть источником сильнейшего стресса для пострадавших и их семей. Для кого-то правовые механизмы могут оказаться причиной ретравматизации, хотя многие пострадавшие говорят, что их желание и решимость добиться правосудия превосходят травмы и боль, пережитые в ходе длительных и порой извилистых путей к правосудию.

Отсутствие возможности рассказать правду для многих людей, переживших пытки, превращается в соль на их раны. Замалчивание истории причиненного вреда как будто отказывает жертвам в самом существовании, в их человечности и страданиях, словно их не существует и они не имеют никакого значения. Для многих переживших пытки их вера в справедливый мир разрушена; их прежние представления о доверии, морали и о том, что значит быть человеком, поставлены под сомнение,¹² а уси-

7 Parong, A., Protacio-Marcelino, E., Estrada-Claudio, S., Pagaduan-Lopez, J. & Cabildo, V. (1992) *Rehabilitation of survivors of torture and political violence under a continuing stress situation: The Philippine Experience*. In M. Başoğlu (ed.) *Torture and its consequences: current treatment approaches*. Cambridge: Cambridge University Press. p. 505.

8 Ingelse, C. (2001) *The UN Committee against Torture: An assessment*. The Hague: Kluwer Law International.

9 Ingelse, C. (2001) *The UN Committee against Torture: An assessment*. The Hague: Kluwer Law International.

10 Roht-Arriaza, N. (ed.) (1995) *Impunity and human rights in international law and practice*. New York/Oxford: Oxford University Press.

11 Patel, N. (2011) *Justice and reparation for torture survivors*. *Journal of Critical Psychology, Counselling and Psychotherapy*, 11(3), 135–147.

12 Shelton, D. (2005) *Remedies in International Human Rights Law*, (2nd edition). Oxford: Oxford University Press. p. 396.

13 Danieli, Y. (1981) *On the achievement of integration in aging survivors of the Nazi Holocaust. Journal of Geriatric Psychiatry, 14*, 191–210; Danieli, Y. (1992) *Preliminary reflections from a psychological perspective. In T. van Boven, C. Flinterman, F. Grunfeld and I. Westendorp (eds.) Seminar on the right to restitution, compensation and rehabilitation for victims of gross human rights and fundamental freedoms. Netherlands Institute of Human Rights, Studieen Informatiecentrum Mensenrechten, SIM Special No. 12. Maastricht: University of Limburg; Danieli, Y. (2009) *Massive trauma and the healing role of reparative justice. Journal of Traumatic Stress, 22(5)*, 351–357.*

14 Shelton, D. (2005) *Remedies in International Human Rights Law, (2nd edition). Oxford: Oxford University Press. p. 396.*

15 Doru, C. and Patel, N. (2016) *«Justice fights like a dying man». Impunity and the process of survival: perspectives of Romanian torture survivors. Bucharest: ICAR Foundation.*

16 Patel, N. (2020) *Psychological care for torture survivors, their families and communities. In M. Evans and J. Modvig (eds.) Research Handbook on Torture. Cheltenham: Edward Elgar; for reviews, see: Gurr, R. & Quiroga, J. (2001). Approaches to torture rehabilitation. Torture, 11(1) 1–35; Quiroga, J. & Jaranson, J.M. (2005). Politically-motivated torture and its survivors: A desk study review of the literature. Torture, 15(2–3), 1–112.*

лия по поиску правосудия представляются тщетными.

Иногда это выливается в так называемый заговор молчания между жертвами и обществом¹³. Правда никогда не выходит наружу, безнаказанность продолжает существовать. Молчание общества, возможно, вызванное распространенным страхом причинить вред, часто переживается пострадавшими как заговор молчания, как соучастие общества в государственном насилии и отрицание государством своих действий. Это оказывает сильное и глубокое психологическое воздействие на пострадавших: если им не верят, их опыт вычеркивают, игнорируют и отказывают в правосудии, то для многих это означает двойное отрицание их человечности — со стороны государства и со стороны общества.

Безнаказанность виновных в пытках может усугубить чувство бессилия, вины и стыда у выживших, повлиять на их веру в будущее и представление о справедливом обществе; она «разрушает возможность восстановления этических отношений между людьми в обществе»¹⁴. Длительное отсутствие правосудия, иногда в течение многих лет, может также переживаться как новое и продолжающееся насилие и травма, что может привести к отчуждению от общества, последующей изоляции и потере веры в человечество¹⁵.

Отказ в правосудии сказывается не только на пострадавших, но и на их семьях. Влияние «волн ущерба»¹⁶ распространяется не только на самого человека, но и на членов его семьи, затрагивая отношения с близкими — братьями и сестрами, родителями, детьми, другими родственниками. Многие семьи переживают огромные потрясения, страх, конфликты и вторичные травмы, что, в свою очередь, может повлиять на то, насколько они в состоянии поддержать пострадавших.

Многие пострадавшие испытывают трудности в родительстве. Им сложно справиться с собственными травмами и психологическими страданиями, что

затрудняет их эмоциональное и физическое присутствие для эффективной поддержки и воспитания своих детей. Это также может отразиться на детях пострадавших, их собственном психологическом развитии, влияя на последующие поколения, что также известно как межпоколенческая травма.

«Волны вреда» также влияют на общество, создавая в нем атмосферу страха, повышенной бдительности к любым угрозам или реальному вреду, подпитывая подозрительность друг к другу и социальное недоверие. Это, в свою очередь, способствует разрушению сплоченности и гармонии в сообществах, что затем сказывается на всех семьях и, опять же, на пострадавших¹⁷.

17 Patel, N. (2020) Psychological care for torture survivors, their families and communities. In M. Evans and J. Modvig (eds.) Research Handbook on Torture. Cheltenham: Edward Elgar; for reviews, see: Gurr, R. & Quiroga, J. (2001). Approaches to torture rehabilitation. Torture, 11(1) 1-35; Quiroga, J. & Jaranson, J.M. (2005). Politically-motivated torture and its survivors: A desk study review of the literature. Torture, 15(2-3), 1-112.

Таким образом, отказ в правосудии и последующая безнаказанность негативно сказываются на здоровье и благополучии отдельных пострадавших, их семей, а также на будущем состоянии здоровья общества, социальной сплоченности и эффективном функционировании общин и всего общества на протяжении многих лет и поколений.

Правосудие для переживших пытки

Юридические аспекты

Одним из направлений восстановления справедливости является использование средств правовой защиты. Само понятие справедливости и механизмы ее достижения шире и субъективнее, чем средства правовой защиты. Так, например, для кого-то справедливость достигается мстью, порицанием, извинениями, что не относится к правовой сфере. Мы же коротко рассмотрим существующие правовые механизмы достижения справедливости как на национальном, так и на международном уровне.

Согласно международному публичному праву, любое противоправное деяние, представляющее из себя нарушение обязательств государства по международному праву, влечет за собой обязанность возместить ущерб. Целью возмещения является максимально возможное устранение последствий нарушения и восстановление того положения, которое существовало бы в отсутствие нарушения.

Возмещение ущерба заключается в реституции, компенсации и сатисфакции. Эти средства могут применяться самостоятельно либо в сочетании друг с другом.

Реституция — это восстановление положения, существовавшего до совершения нарушения. Например, освобождение незаконно задержанных лиц,

возвращение противоправно конфискованного имущества, отмена незаконной судебной меры.

Компенсация — это денежная выплата за подлежащий оценке ущерб, причиненный в результате правонарушения. Компенсация может выплачиваться за причинение материального и/или морального ущерба, включает упущенную выгоду.

Сатисфакция — это действия виновного государства по признанию нарушения, выражению сожаления, официальное извинение. Сатисфакция также может включать законные меры или наказания в отношении виновных лиц.

Национальные средства правовой защиты

С позиции национального законодательства Республики Беларусь существуют материальные и процессуальные основания и возможности для восстановления справедливости по этим трем направлениям, в том числе в вопросах отмены незаконных судебных и административных решений, компенсации различных видов ущерба и привлечения к ответственности виновных. В то же время различные процессуальные нормы о сроках и порядке обжалования вынесенных постановлений по админист-

ративным делам и приговоров по уголовным делам устанавливают широкие дискреционные полномочия прокуратуры и руководства судов и делают этот процесс прямо зависимым от их усмотрения в существующей правовой рамке.

Сложнее обстоит дело с возвратом противоправно конфискованного имущества. По разным причинам процессуального и материально-правового характера наиболее реален вариант выплаты компенсаций.

Взыскание **компенсации морального вреда**, включающего нравственные и физические страдания, которые испытали потерпевшие, не ограничено сроком давности.

Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов, подлежит возмещению за счет казны Республики Беларусь¹⁸.

Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения и других видов незаконного лишения и ограничения свободы, ограничения профессиональных прав возмещается за счет казны Республики Беларусь, а в случаях, предусмотренных законодательством, — за счет казны административно-территориальной единицы

в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов уголовного преследования и суда в порядке, установленном законодательными актами¹⁹.

Вред, причиненный при осуществлении правосудия, по существующим правилам возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу²⁰.

Сроки давности

Уголовное законодательство предусматривает возможность привлечения к ответственности без срока давности за совершение **преступлений против безопасности человечества** — а именно так в основном должны квалифицироваться действия виновных в попытках и актах жестокости в связи с политическими убеждениями. В Уголовном кодексе Республики Беларусь эта ответственность предусмотрена в соответствии **со статьей 128** (Преступления против безопасности человечества): депортация, незаконное содержание в заключении, обращение в рабство, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение, **пытки или акты жестокости**, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политически-

19 Гражданский кодекс Республики Беларусь, ст. 939

20 Гражданский кодекс Республики Беларусь, ст. 939

18 Гражданский кодекс Республики Беларусь, ст. 938

ми убеждениями и вероисповеданием гражданского населения наказываются лишением свободы на срок от семи до двадцати пяти лет, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью.

При другой квалификации действий виновных привлечение их к ответственности может быть ограничено сроком давности привлечения — до десяти лет с момента совершения преступления, если течение срока давности не прервано совершением другого преступления²¹.

Орган, ведущий уголовный процесс, по требованию реабилитированного лица, имеющего право на возмещение морального вреда, обязан принести официальные извинения за причиненный вред, а также «направить в средства массовой информации письменное указание об опровержении порочащих лицо сведений, если такие сведения были распространены в средствах массовой информации в ходе досудебного или судебного производства по уголовному делу, а также сообщение об отмене незаконных решений по месту работы, службы, учебы или жительства этого лица». В таком же порядке приносятся извинения в случае реабилитации в административном процессе²².

Международные средства правовой защиты

В соответствии с Докладом Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека «Положение в области прав человека в Беларуси в преддверии президентских выборов 2020 года и после них», «некоторые из нарушений [описанные в докладе] могут также приравниваться к преступлениям против человечности, как те определены в международном обычном праве, когда такие действия совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно»²³.

Преступления против человечности относятся к категории самых серьезных уголовных преступлений не только в национальном уголовном праве, но и в международном. Такие преступления сочетают в себе нарушения целого ряда прав человека: права на жизнь, права на свободу собраний, ассоциаций, передвижения, права на частную жизнь и на национальную принадлежность и ряд других прав и свобод. Следовательно, средства правовой защиты будут включать в себя не только привлечение к уголовной ответственности

21 Уголовный кодекс Республики Беларусь, ст. 83

22 A/HRC/52/68

22 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, ст. 465; Процессуально-исполнительный кодекс, ст. 15.4

лиц, совершивших эти преступления, но и ряд иных механизмов, которые существуют для защиты того или иного права, которое нарушается в процессе совершения преступления.

В условиях, когда государство отказывается предоставлять своим гражданам средства правовой защиты, а в нашем случае — в лице чиновников, незаконно удерживающих власть в стране, является инициатором и заинтересованным лицом в этих преступлениях, гражданам страны остается прибегать лишь к международным средствам правовой защиты.

В настоящий момент виновные в совершении преступлений против человечности могут быть привлечены к ответственности с использованием следующих механизмов:

Международный уголовный суд (МУС)²⁴, учрежденный Римским статутом 17 июля 1998 года. Данный суд уполномочен рассматривать преступления против человечности и военные преступления, совершенные на территории государств, ратифицировавших Римский статут. Хотя Беларусь не является государством-участником МУС, Международный уголовный суд имеет юрисдикцию над преступлениями, подпадающими под Римский статут, которые происходят, по крайней мере частично, на территории ее соседей: Литвы, Латвии и Польши. Следуя прецеденту, установленному МУС в ситуации с Мьянмой/Бангладеш²⁵, МУС может расследовать и преследовать за преступления против человечности, такие как депортация и преследование, когда гражданские лица вынуждены бежать на территорию государства-участника. На основании последних данных^{26,27,28}, по оценкам Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, с 2020 года до 300 000 человек были вынуждены покинуть Беларусь в результате скоординированной кампании насилия и репрессий, намеренно направленных против тех, кто выступает — или восприни-

²⁴ <https://www.icc-cpi.int/>

²⁵ Pre-Trial Chamber I of the Court, Decision on the Prosecution's Request for a Ruling on Jurisdiction under Article 19(3) of the Statute, ICC-RoC46(3)-01/18, 6 September 2018; <https://isans.org/analysis/policy-papers/crimes-against-humanity-in-belarus-referral-to-the-international-criminal-court.html>

²⁶ https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0321_EN.html;

²⁷ https://pace.coe.int/en/files/31822/html#_TOC_d19e303;

²⁸ https://beroc.org/en/publications/working_papers/analysis-of-the-migrant-flow-from-belarus-to-the-eu-in-2021-2022/.

мается таковыми — против правительства или выражает критическое или независимое мнение²⁹.

Международный суд ООН³⁰. Является одним из органов Организации Объединенных Наций. Разрешает в соответствии с международным правом юридические споры между государствами и дает консультативные заключения по юридическим вопросам. Согласно ст. 34 Статута Международного суда ООН, сторонами по делам, рассматриваемым данным судом, могут быть только государства. Так как ответственность за уголовные преступления должна быть возложена на физических лиц, совершивших данное преступление, а не на государство, которое не может являться субъектом уголовного преследования, то использование данного механизма за совершение преступлений против человечности в Беларуси представляется невозможным. Однако не исключается рассмотрение данным судом по искам других государств иных нарушений Беларусью обязательств, вытекающих из международных договоров, участницей которых является Беларусь и предусматривающих возможность передачи спора в Международный суд, таких как Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее — Конвенция против пыток) и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Таким образом, например, Нидерланды и Канада подали иск против Сирии о нарушении ею Конвенции против пыток³¹.

Международные трибуналы, создаваемые Советом Безопасности ООН. Осуществляют судебное преследование в отношении лиц, ответственных за совершение серьезных преступлений в рамках международного гуманитарного права, или в случаях, когда правительство обращается к Совету с просьбой об оказании помощи в плане расследования и осуществления судебного преследова-

ния. Создание международных трибуналов происходит по решению Совета Безопасности ООН. Например, такие трибуналы создавались по бывшей Югославии³² и по Руанде³³.

Согласно ст. 27 Устава ООН, решения Совета Безопасности считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета. В соответствии со ст. 23 Устава ООН, Китайская Республика, Франция, Союз Советских Социалистических Республик (преемником объявила себя Российская Федерация), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки являются постоянными членами Совета Безопасности. В нынешней политической ситуации создание трибунала для Беларуси является маловероятным, так как такие постоянные члены Совета Безопасности, как Российская Федерация и Китай, едва ли поддержат такую инициативу.

Международные трибуналы, создаваемые государствами, под юрисдикцию которых подпадают совершенные преступления. Например, таким трибуналом являлся Международный военный трибунал в Нюрнберге, учрежденный в соответствии с соглашением, заключенным между правительствами СССР, США и Великобритании и Временным правительством Франции³⁴.

Смешанные, «гибридные» трибуналы. Эти трибуналы являются национальным судебным органом с международным элементом, порядок деятельности и юрисдикция которых определяются совокупностью норм международного и национального права. В работе таких судов наряду с национальными принимают участие международные судьи. Одним из известных гибридных трибуналов является Специальный суд по Сьерра-Леоне, учрежденный на основании Соглашения между Организацией Объединенных Наций и правительством Сьерра-Леоне³⁵.

29 A/HRC/52/68 nn. 53–54

30 <https://www.icj-cij.org>

32 <https://www.icty.org/>

33 <https://www.un.org/ru/law/ictf/>

34 http://www.icls.de/dokumente/imt_statute.pdf

31 <https://icj-cij.org/case/188>

35 https://www.un.org/ru/documents/bylaws/charter_sierra.pdf

Универсальная юрисдикция. Данный механизм, по сути, не относится к международным, так как предполагает привлечение к ответственности согласно внутреннему уголовному законодательству государства. Однако в данном случае правосудие происходит не в стране совершения преступления, а в ином государстве, в котором нормы уголовного законодательства позволяют привлекать к ответственности за особо тяжкие преступления (к которым относятся преступления против человечности), независимо от места их совершения. При этом нормы законодательства различных стран могут содержать дополнительные условия для применения универсальной юрисдикции. Например, нахождение подозреваемого (Швейцария) или потерпевшего (Франция) на территории данного государства. Так, например, Аргентинский суд рассматривает международные преступления властей Мьянмы против рохинджа³⁶, а в начале 2022 года немецкий суд приговорил сирийца Анвара Р. к пожизненному заключению. Так завершился первый в мире уголовный процесс о государственных пытках в Сирии³⁷.

В настоящее время дело по универсальной юрисдикции по пострадавшим в ходе и после протестов 2020 года в Беларуси возбуждено в Литве, законодательство которой не предусматривает никаких особых условий для применения универсальной юрисдикции³⁸.

Также уголовное дело по указанным событиям возбуждено в Польше, однако потерпевшими по нему были признаны только граждане этой страны. В ноябре 2023 года Польша приостановила расследование о незаконном лишении свободы трех поляков, задержанных в Минске после президентских выборов 9 августа 2020 года с применением к ним пыток, в связи с отказом белорусской стороны сотрудничать³⁹.

³⁶ <https://www.globaljusticecenter.net/ru/qa-the-universal-jurisdiction-case-against-myanmar/>

³⁷ <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/princip-universalnoy-yurisdikcii-v-germanii-delo-o-pytках-v-sirii>

³⁸ <https://www.prokuraturos.lt/lt/pre-trial-investigation-launched-into-possible-torture-of-a-person-in-a-foreign-state/7240>

³⁹ https://www.rmfm24.pl/fakty/polska/news-sledztwo-ws-pobitych-polakow-zawieszone-bialorus-odmowila-ws,nld,7121277#crp_state=1

Методология исследования

Объектом нашего исследования стали белорусы и белоруски, пережившие пытки и/или жестокое обращение со стороны силовиков после событий 2020 года.

Мы не знаем ни точного количества таких людей, ни их половозрастной, ни образовательно-профессиональной структуры. Эти люди не проживают компактно в неких местах и обычно не создают отдельных сообществ. А некоторые потерпевшие просто отрицают и хотят забыть свой травмирующий опыт. Эти моменты существенно усложняют исследовательский контакт с целевой группой и накладывают определенные ограничения на изучение объекта исследования.

С другой стороны, мы имеем почти идеальную ситуацию. Правозащитники_цы — правозащитный центр «Вясна» и Международный комитет по расследованию пыток в Беларуси (далее: «Вясна» и МКРП) — имеют верифицированные базы данных лиц, являющихся нашим объектом исследования. Эти базы начали создаваться в 2020 году и пополняются до сих пор; всего в двух базах данных насчитывается более 3 000 записей.

Информацию, собранную правозащитниками_цами и объединенную в одну базу данных потерпевших от насилия (пыток и/или жестокого обращения), мы рассматриваем как своеобразный —

не идеальный, но вполне релевантный — срез всей нашей целевой группы, то есть белорусов и белорусок, переживших пытки и/или жестокое обращение со стороны силовиков после событий 2020–2021 годов.

При этом мы понимаем и учитываем ограничения, возникающие при попытках экстраполировать полученные из этой базы данные на всю генеральную совокупность людей, переживших пытки и/или жестокое обращение в Беларуси в последние годы.

В качестве предмета исследования рассматривается восприятие справедливости как меры соответствия существующего надлежащему, как необходимость последствий для действий (равно для субъектов действий), нарушающих эту меру.

В нашем случае структурно-процессуальная схема справедливости как предмета исследования имеет следующий вид:

• **Этап 0:** ситуация существования соответствия надлежащего существующему;

- **Этап 1:** нарушение равновесия пытками и/или жестоким обращением одних над другими;
- **Этап 2:** попытки восстановить ситуацию соответствия надлежащего существу с помощью определенных действий.

Нулевой этап мы не рассматриваем. Этап 1 и его главные составляющие: насилие и те, кто его пережил, — реализован ранее, что зафиксировано в верифицированной базе данных. Здесь мы обратим внимание не на само насилие, а на тех, кто его совершал и кто должен нести за это ответственность.

Вместе с тем базовым этапом для нас является этап 2 — решения о действиях по восстановлению справедливости (факт (не)решения, мотивация), представления о надлежащем и действия по его достижению (возможные/желательные, субъекты, препятствия).

Таким образом, целью исследования было выявление и описание того, какой должна быть справедливость относительно ситуаций пыток и/или жестокого обращения со стороны тех, кто это пережил.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- установить перечень виновных в несправедливости (пытках и жестоким обращении);
- определить, в чем заключается справедливость (в отношении к разным субъектам);
- изучить опыт, мотивацию и препятствия для достижения справедливости.

В качестве дополнительной задачи рассматривалась необходимость выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются личности, пережившие пытки и/или жестокое обращение, и способы и субъекты их решения.

Методика

Исследование носило комплексный характер и состояло из двух исследовательских этапов: **качественного** (квалитативного) и **количественного** (квантитативного).

На первом этапе была проведена серия глубинных интервью. Респондентами_ками стали люди из верифицированной базы данных лиц, переживших

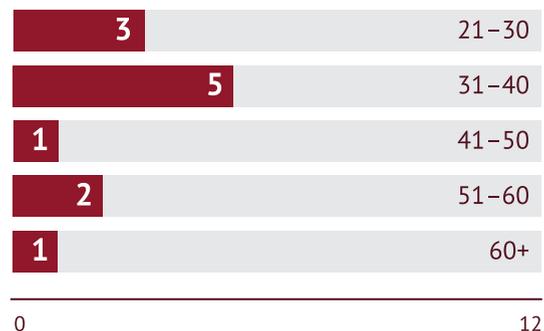
насилие (пытки и/или жестокое обращение); рекрутация респондентов_ок происходила случайным образом по обеим частям базы данных «Вясны» и МКРП.

Глубинные интервью были реализованы методом САТІ и проводились в течение мая 2024 года, всего было опрошено 12 человек. Полученная выборка имела следующий дизайн:

Гендер

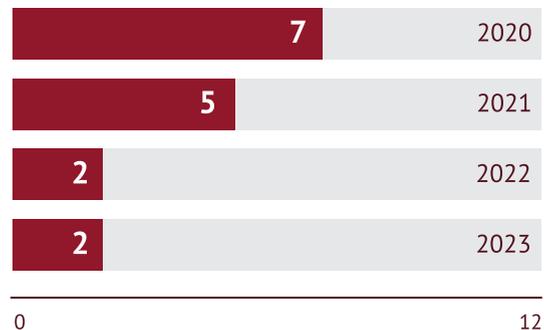
Возраст

Образование

Период пыток

(один_на респондент_ка мог_ла неоднократно подвергаться пыткам и/или жестокому обращению)

Как минимум два человека из опрошенных имели статус бывших политзаключенных. Были люди как с опытом «домашней химии», СИЗО, колонии, так и вообще без опыта пребывания в местах ограничения свободы.

В отчете цитаты из глубинных интервью приводятся в анонимизированном формате, слова респондентов_ок имеют атрибуцию только по гендеру, возрастной группе, образованию и году отъезда из Беларуси. Непосредственно в тексте цитаты подписаны словом «Респондент_ка» и порядковым номером, атрибуции респондентов_ок приведены в Приложении.

Главной целью качественного этапа исследования был сбор первичной неформализованной информации со стороны лиц, переживших пытки и/или жестокое обращение, о справедливости

в отношении к пережитому ими для последующей формализации и разработки релевантного инструментария для количественного исследования.

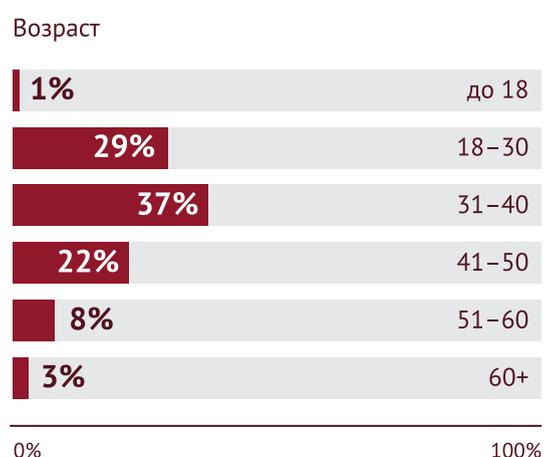
Эта цель была достигнута, вместе с этим была получена дополнительная полезная для целей исследования информация, которая вошла в соответствующую часть раздела «Результаты исследования».

Второй этап проекта — количественное исследование. Как и в случае с глубинными интервью, рекрутация респондентов_ок происходила случайным образом⁴⁰ из базы данных «Вясны» и МКРП. Опрос проходил с 19 июня по 19 июля 2024 года.

Метод сбора информации — анкетирование-CAWI⁴¹. Всего было опрошено 580 человек. Полученная выборка имела следующий дизайн:

⁴⁰ Два полных цикла рекрутации со сдвигом этапа отбора по обеим частям базы.

⁴¹ В некоторых исключительных случаях вместо анкеты CAWI использовалась интервью CATI.

Географическое распределение респондентов_ок стало самым широким, при этом 18% опрошенных до сих пор остаются в Беларуси. Основными зарубежными странами, где находились респонденты_ки, были: Польша — 47%, Литва — 15%, Германия — 4% и Грузия — 3%.

Те, кто выехал из Беларуси, в основном сделали это в 2021 или в 2022 году (24% и 31% соответственно). В 2020 году уехало 8%, в 2023-м — 13%, в 2024-м — 5%.

Результаты исследования

В этом разделе представлены данные, собранные как в рамках глубинных интервью, так и в количественном исследовании. Отличие методов состоит в том, что: а) в рамках глубинных интервью респондент_ка самостоятельно рассуждает и отвечает на вопросы интервьюера_ки, без предложенных вариантов ответа или каких-либо смысловых подсказок; б) отвечая на вопросы анкеты количественного исследования, респондент_ка выбирает варианты ответов из предложенного списка, то есть с «подсказками» и ограничениями.

Начать следует с того, что по результатам анализа данных глубинных интервью складывается общее впечатление, что на текущий момент для респондентов_ок вопрос восстановления справедливости стоит далеко не на первом месте. Это связано и с периодом времени, прошедшим после насилия, и с необходимостью как-то выживать прямо сейчас.

— Конечно, я хотел (восстановить справедливость). Но чем больше это продолжается, тем меньше есть веры в это. Говорю как есть.

Респондент_ка 1

Также важным фактором, который с большего вытесняет вопрос восстановления справедливости за границы актуального фокуса внимания, является

осознание отсутствия возможностей восстановить справедливость в ближайшей перспективе. Причем как непосредственно в Беларуси, так и за рубежом. По данным количественного опроса, 84% респондентов_ок считают шансы добиться справедливости в ближайшее время в Беларуси нулевыми или невысокими. Относительно других стран и международных организаций такая доля составляет 64%.

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, насколько высоки шансы добиться справедливости в ближайшее время...»

– Вот прямо сейчас я считаю, что это крайне маловероятно. В какой-то исторической перспективе, там, не знаю, 10 лет, или, может, даже больше, тогда да, как бы, почему нет... Я слабо себе представляю, каким образом какие-то международные организации могут привлечь каких-то конкретных людей, которые прямо сейчас находятся в Беларуси на службе режима, к какой-то ответственности.

Респондент_ка 2

– Если честно, не вижу каких-то механизмов, которые могли бы повлиять сейчас на всех. Может быть, что-то изменится, но сейчас я не вижу такой возможности.

Респондент_ка 3

Вместе с этим, в количественном исследовании мы получили цифры, которые свидетельствуют о том, что вопрос восстановления справедливости не теряет своей актуальности. Подавляющее большинство опрошенных считают, что их жажда справедливости не ослабела, а 29% утверждают, что она даже увеличилась.

Распределение ответов на вопрос «Какое из следующих утверждений вам ближе?»

При этом, как показывают данные, та часть респондентов_ок, которая настроена более проактивно, количественно в 2–2,5 раза больше тех, кто хочет, чтобы «все это просто как-то остановилось».

Распределение ответов на вопрос «Менялось ли после 2020 года ваше восприятие справедливости? И если менялось, то в какую сторону?»

Главным препятствием для восстановления справедливости является то, что в настоящий момент люди просто не видят не видят для этого возможностей.

– Если раньше можно было апеллировать к каким-то правовым нормам, законам и так далее, то в последнее время само упоминание закона тянет лет на 8.

Респондент_ка 4

– Теоретически, я хотел бы привлечь этих людей к ответственности, но практические механизмы, через которые можно этого достичь, мне, например, вот прямо сейчас они не совсем известны.

Респондент_ка 2

– ...пока существует ситуация такая, как сейчас, это (справедливость) вообще невозможно. Пока существует связь с Россией, это тоже невозможно. И даже если изменится там, не знаю, какое-то руководство сегодняшнее, если есть такая связь с Россией, то это будет ну более-менее то же самое.

Респондент_ка 5

В свободных ответах на вопросы глубинных интервью доминирует мнение, и это для опрашиваемых принципиально, что базовым пространством справедливости и базовым субъектом, по отношению к которому эта справедливость должна быть восстановлена,

является не отдельная личность или сообщество потерпевших от насилия в различных его проявлениях. **Таковым пространством и таковым коллективным целым является страна Беларусь.** Это означает, что восстановление справедливости и законности в основном является не столько индивидуальным вопросом, сколько коллективным делом, задачей свержения режима и возвращения на родину (или хотя бы возможность туда ездить).

– *Этот режим должен понести ответственность, предстать перед судом. Те люди, кто все это делали, должны получить наказание.*

Респондент_ка 10

– *...хотелось бы, чтобы она, вот ситуация сама разрешилась в позитивную сторону. Чтобы можно было вернуться, свободно передвигаться, не бояться, что там сразу посадят... Не бояться за своих родных, что к ним там домой придут и... что могут сделать. Чтобы провокаций вот этих не было. Чтобы быть уверенным, что все спокойно.*

Респондент_ка 6

На индивидуальном уровне у респондентов_ок главной задачей сейчас является выжить, в этой логике справедливость является отложенной роскошью.

– *Я делал попытки максимально быстро покинуть Беларусь, потому что это было для меня более приоритетно. Никаких попыток добиться справедливости, кроме рассказов о своей истории максимально публично, я не делал.*

Респондент_ка 2

При этом нельзя говорить, что она — справедливость — сброшена со счетов. Она, безусловно, существует как цель и мотив деятельности, но не «здесь и сей-

час». Что-то по этому треку было сделано в прошлом, что-то делается «на будущее» — для действий в Новой Беларуси, для наказания и люстраций виновных.

– *Рано или поздно все это закончится и должна быть люстрация. В моем восприятии это так.*

Респондент_ка 1

– *...на каждое предложение, которое я получал, например, как от «Вясны» для документации,.. от представителей ООН... кто-то там писал книгу... Я так ну сразу соглашался на это. Потому что это мой такой личный вклад в то, чтобы хотя бы задокументировать эту несправедливость, которая происходила и происходит. Ну и надеяться, что что-то когда-нибудь может измениться и, может, те люди, кто все это сделали, какую-то ответственность когда-нибудь понесут.*

Респондент_ка 5

Если говорить про количественные показатели, то для восстановления справедливости люди, прошедшие через насилие, на самом деле делают довольно много (по крайней мере, респонденты_ки нашего исследования)⁴².

Так, в частности, подавляющее большинство опрошенных зафиксировали то, что с ними происходило, для будущего разбирательства. Люди пытались что-то делать и в стране, и за ее пределами: распространяли информацию о насилии и пытках в Беларуси путем интервью правозащитникам_цам, исследователям_льницам, медиа; участвовали в различных общественных инициативах и тем самым приближали время установления справедливости; контактировали с международными и белорусскими правозащитными организациями и многое другое.

42 Необходимо учитывать специфику выборки, которая была собрана из проверенной базы данных людей, подвергшихся пыткам и/или жестокому обращению, т. е. уже принявших определенные меры по восстановлению справедливости.

Распределение ответов на вопрос «Предпринимали ли вы какие-либо попытки добиться справедливости?»
(можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Только 7% указали, что никаких попыток по восстановлению справедливости не предпринимали. На самом деле, и они делали — например, зафиксировали все то, что с ними происходило в Беларуси. Такова специфика выборки. Тут, наверное, мы наблюдаем своеобразный защитный механизм, когда все, связанное с нежелательными воспоминаниями, выдавливается из памяти. Либо эта часть респондентов_ок зафиксировала факты пыток и/или жестокого обращения просто из чувства какого-то долга, без надежды на справедливость.

Пессимистический взгляд на перспективы восстановления справедли-

вости — это не единственный демотиватор на этом пути. В определенном смысле, более важным является фактор безопасности. На проективный вопрос о том, почему люди не предпринимают попыток добиться справедливости, подавляющее большинство опрошенных указали, что имеют опасения за безопасность близких. Это самый важный фактор, его выбрали 85%. На третьем месте также вопрос безопасности, но уже личной: позицию «люди боятся мести со стороны силовиков» указали 62% опрошенных. А о том, что нет «смысла искать справедливости» в Беларуси, сказали 76% респондентов_ок.

Еще что важно, более половины людей ответили, что существует проблема, связанная с отсутствием информации о том, как работают те или иные механизмы восстановления правосудия (58%). В частности, люди могут не знать, как можно добиваться справедливости с помощью международных организаций. Об этом сказали 51% опрошенных.

Еще почти половина респондентов_ок указали на такую «пессимистическую» позицию, как отсутствие реальной заинтересованности других стран и международных организаций в восстановлении справедливости в отношении тех белорусов и белорусок, которые пострадали от пыток и/или жестокого обращения в Беларуси. А 42% отметили, что людей может отпугивать долгий путь в борьбе за справедливость.

При всем при этом, все же присутствует вера или желание восстановления

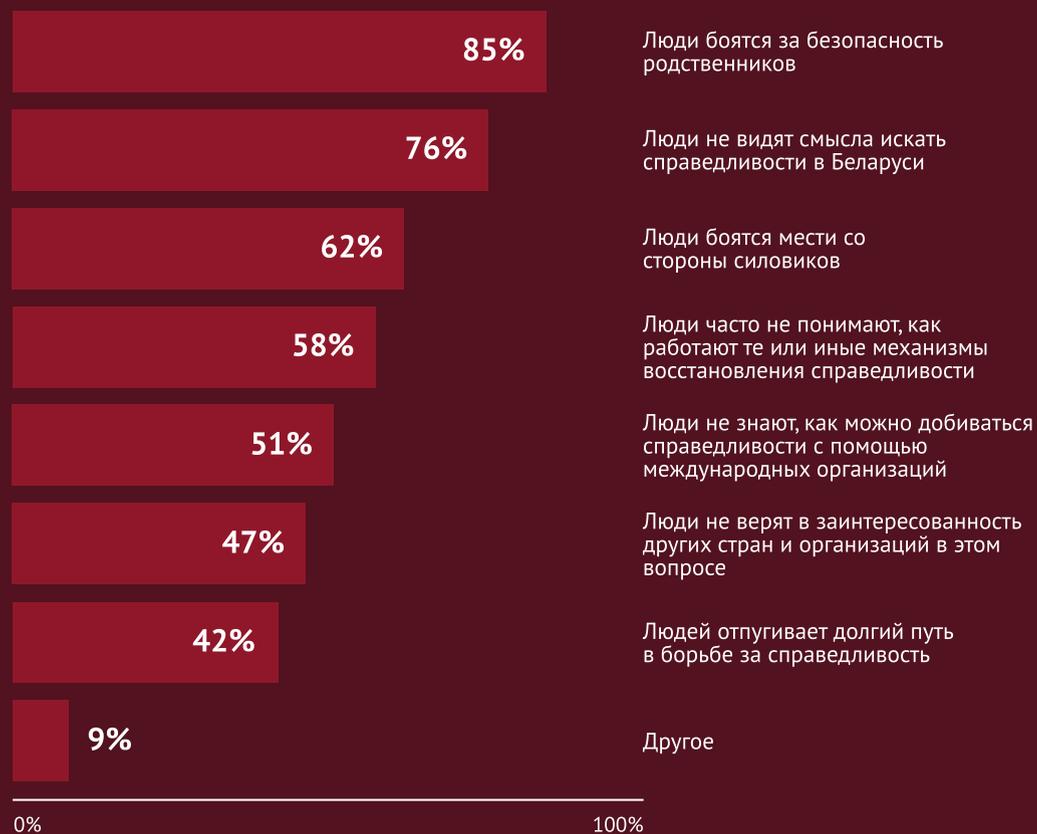
справедливости в условно «историческом» плане.

— ...что-то я пытался делать в моменте. Это успехом не закончилось. А все последующие мои действия... В итоге я пришел к тому, что не то, чтобы я какую-то справедливость пытался этим восстановить. Скорее, с точки зрения какой-то всемирной правды, я сделал что-то хорошее. С точки зрения какой-то личной ситуации, наверное, нет. И не очень представляю, как это возможно в нынешней ситуации.

Респондент_ка 7

Воплощением такой «исторической справедливости» для опрошенных будет свержение режима Александра Лукашенко, прекращение репрессий, демократизация страны и возвращение на родину всех желающих.

Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, почему часть людей, прошедших пытки и/или жестокое обращение, не делают попыток добиться справедливости?» (можно было выбрать несколько вариантов ответа)

– Тысячи тех, кто сейчас сидят в тюрьмах, – ну, справедливость должна быть такая, что эти люди, во-первых, должны иметь свободу. Во-вторых, они должны как бы иметь какую-то компенсацию за то, что они получили со стороны этого режима. Ну а третье, конечно, этот режим должен понести ответственность, предстать перед судом. Те люди, кто все это делал, должны понести какое-то наказание.

Респондент_ка 5

Здесь доминирует обобщенное представление о виновной стороне – это власть, система, режим Лукашенко.

– ...*(виноваты те)*, кто принимал решения, кто исполнял, кто убивал, кто избивал людей. Это значит, что представители власти, представители силовиков

и различных военных структур, участвовавшие во всем. Ну и также если возвращаться к выборам – также это те, кто принимал участие в фальсификации. Ну как бы целая система эта.

Респондент_ка 5

Виновные в насилии воспринимаются респондентами_ками амбивалентно: с одной стороны, деперсонализированно, от режима в целом до рядовых силовиков и членов участковых комиссий, с другой, персонализировано – в лице первого лица государства.

– *Виновные в том, что мне пришлось бежать из страны, – это те люди, которые воспользовались своей властью и не соблюдали законодательство Республики Беларусь.*

Респондент_ка 11

— ...вплоть до малых городских чиновников, они тоже должны присесть.

Респондент_ка 12

— Виновен каждый, кто совершал преступления, пытки, тот, кто помогал удерживать власть незаконному режиму Лукашенко. Ну и Лукашенко как основной виновник.

Респондент_ка 9

Если выделить определенную иерархию виновных в насилии и тех, кто должен нести ответственность за это, то главный виновный — это режим как система, а главный, кто должен нести ответственность, — Александр Лукашенко.

На условном третьем месте — белорусские суды, на четвертом — генералы-силовики, пятое место — прокуратура и следственный комитет. За ними идут сотрудники ИВС/СИЗО/ИК/ИУОТ⁴³, затем — все, кто фальсифицировал выборы, и рядовые силовики.

Что здесь обращает на себя внимание, так это высокое место судов в иерархии виновных в насилии. Претензии к судебной системе, которая должна быть гарантом верховенства права, оказываются гораздо более весомыми, чем требования ответственности к тем, кто непосредственно совершал насилие. Кажется, это очень важно: требования справедливости имеют системный характер с акцентом на законность.

В этом смысле вполне закономерными выглядят рассуждения респондентов_ок о том, что режим должен понести наказание тоже системного типа — его следует деконструировать, причем так, чтобы в дальнейшем подобное обращение с гражданами не повторилось. И здесь имеется в виду не только прямое насилие, но и понятие намного шире — нарушение прав человека.

— ...предоставление компенсации, оно более такое, частное, что касается только меня. А наказание — это несет уже более такую общественную, выполняет роль утверждения общественной справедливо-

сти или страховки того, что более такого не будет повторяться.

Респондент_ка 9

— Нужен какой-то конкретный пример, чтобы будущим поколениям осталось это в памяти — понимание, что так точно не стоит делать, что нужно иметь свое понимание и не подписываться на всякие зверства...

Респондент_ка 6

— Если говорить о справедливости, не должно быть такого режима, не должно быть таких людей, не должно быть таких властей, лиц у власти, потому что это все несправедливо, с той точки зрения, что люди не имеют права выражать свои мысли, делать дела на пользу государству и обществу.

Респондент_ка 4

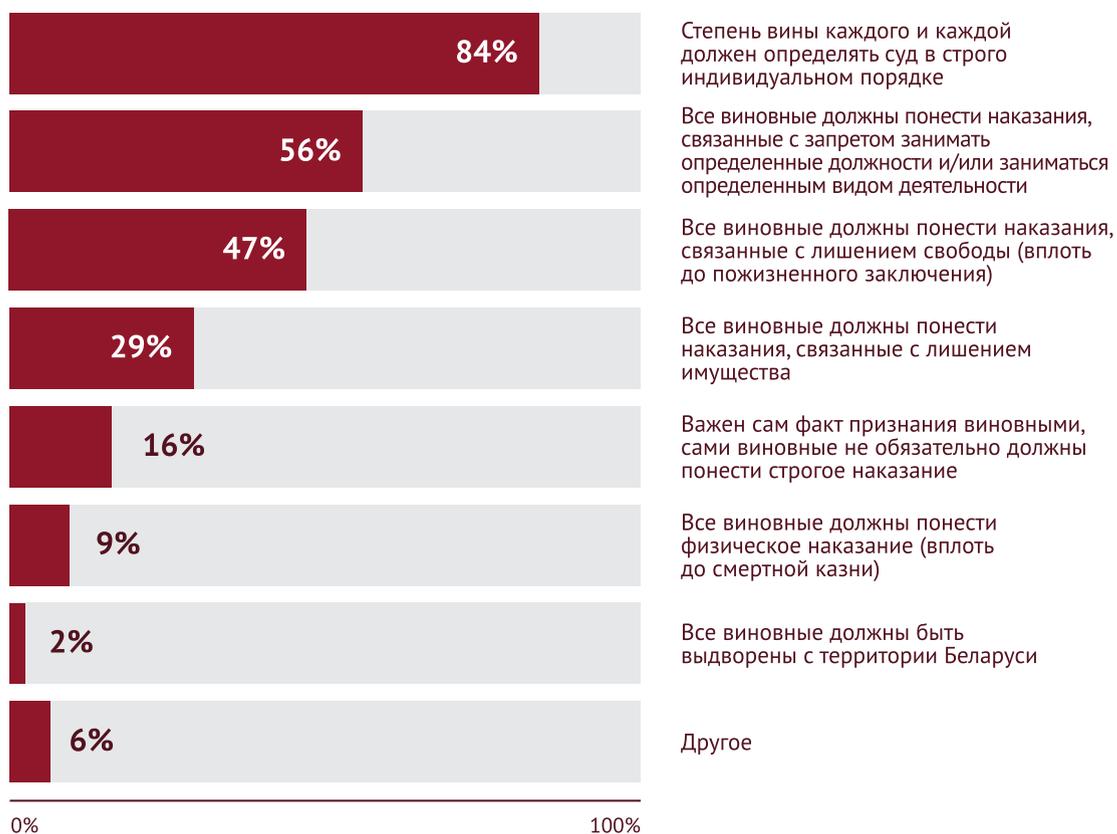
Несомненно, считается важным наказание не только режима в целом, но и конкретных лиц, виновных в насилии. И здесь мы видим ситуацию, которая опять вводит в фокус внимания законность. Согласно полученным нами данным, подавляющее большинство опрошенных, то есть людей, переживших насилие и/или жестокое обращение, говорят, что общего обвинения быть не может. Степень вины каждого и каждой должен определять суд в строго индивидуальном порядке — такую позицию определили 84% опрошенных. В качестве (обязательного) дополнения нужно рассматривать требование люстрации как запрета лицам, виновным в насилии, занимать определенные должности и/или заниматься определенными видами деятельности — эту позицию указали 56% респондентов_ок.

При этом 16% опрошенных выразили максимально гуманистическую позицию, суть которой заключается просто в факте признания виновными, можно без строгого наказания.

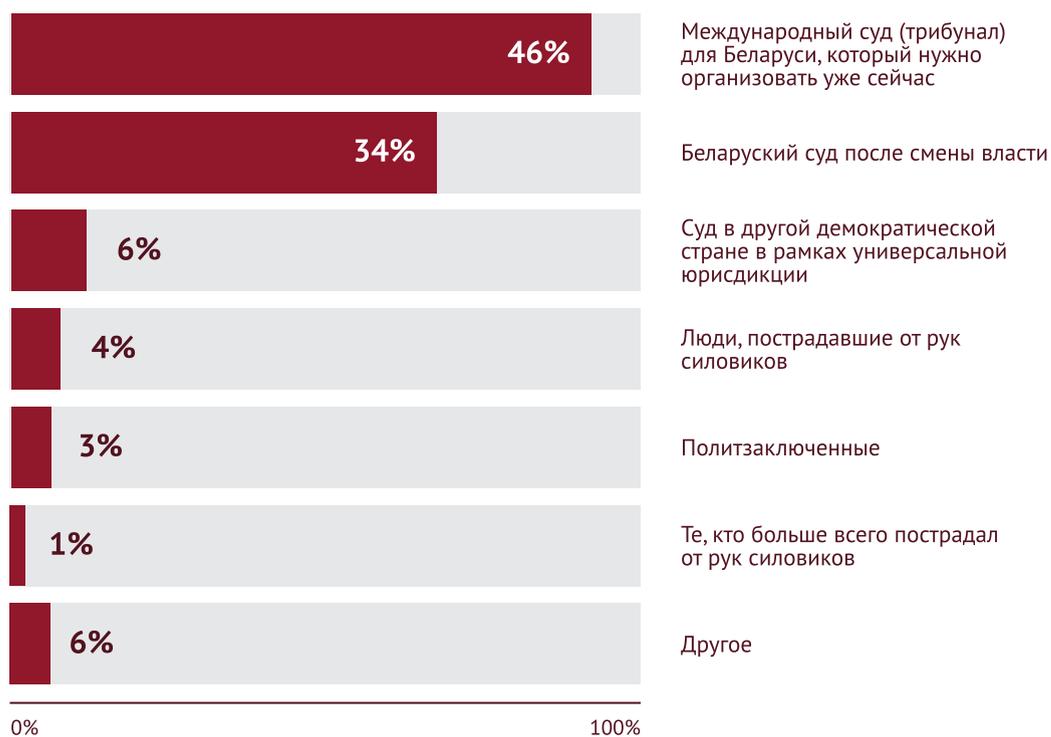
В то же время есть сторонники и сторонницы более жестких вариантов наказания. Так, 47% опрошенных выска-

43 ИВС/СИЗО/ИК/ИУОТ — изолятор временного содержания/следственный изолятор/исправительная колония/исправительное учреждение открытого типа

Распределение ответов на вопрос «Если говорить о том, что вы пережили, что для вас означает справедливость в отношении к виновникам случившегося?»
(можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Распределение ответов на вопрос «Кто в первую очередь должен определить вид и степень ответственности виновных в случившемся?»
(можно было выбрать несколько вариантов ответа)

зались за то, чтобы виновные понесли наказание, связанное с лишением свободы; 29% отметили положение, предусматривающее наказание, связанное с лишением имущества; 9% указали, что все виновные должны понести физическое наказание, возможно даже смертную казнь.

Если говорить о том, кто должен непосредственно определять степень вины конкретных лиц, то тут респонденты_ки видят фактически только два варианта: либо Международный трибунал, который нужно организовывать уже сейчас (так говорят 46% опрошенных), либо ждать смены власти в Беларуси и тогда проводить открытые суды своими силами (этот вариант выбрали 34%). Другие варианты, такие как суды в рамках универсальной юрисдикции, почти не рассматриваются.

Другая сторона справедливости — это меры в отношении тех, кто пережил различного рода насилие. Ситуация складывается непростая, потому что, с одной стороны, сложно представить, какие проявления эта справедливость может иметь, а с другой стороны — люди все равно чаще говорят о справедливости на общественном, а не на индивидуальном уровне, по крайней мере, в рам-

ках глубинных интервью.

— Думаю, что начинать с того, что должны быть и реабилитированы люди, осужденные за то, что они высказывали свое мнение и несогласие с происходящим, на что они имеют право в соответствии с Конституцией...

Респондент_ка 5

— Ну мне трудно представить, как можно это компенсировать. Трудно. Если могут деньгами — хорошо. Могут покаянием — хорошо. Не только покаянием, чтобы поплакаться один раз и все. А действительно человек чтобы что-то сделал для общества...

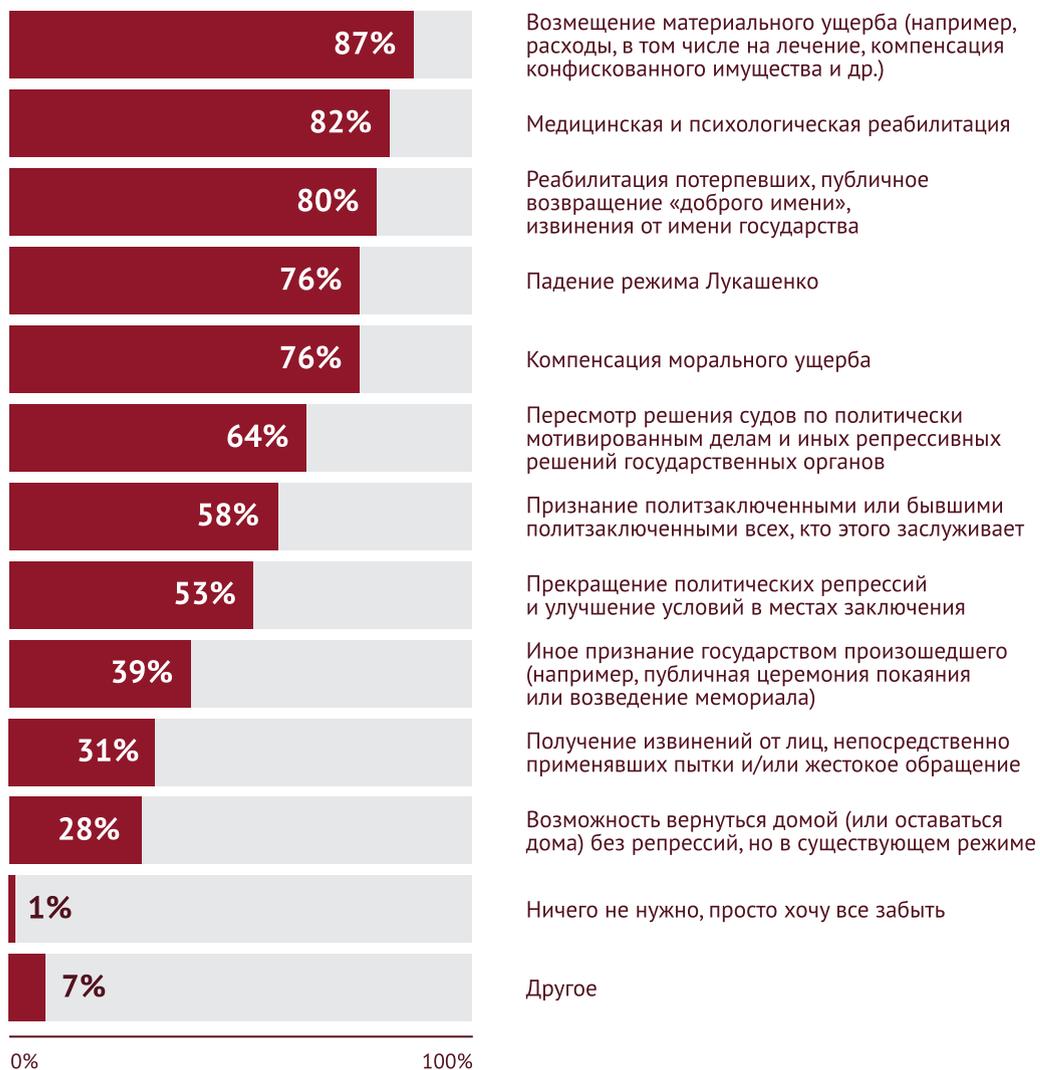
Респондент_ка 1

В рамках количественного исследования, когда респонденты_ки видели ряд вариантов того, какие проявления справедливости могла бы иметь относительно тех, кто пережил насилие, спектр выбранных вариантов оказался гораздо шире. Безоговорочными позициями-лидерами, которые были выбраны более чем 75% респондентами, оказались компенсация материального и морального вреда, медицинская и психологическая реабилитация, публичное восстановление «доброе имени жертвам» и свержение режима Лукашенко.

Распределение ответов на вопрос «Если говорить о пытках и жестоком обращении с людьми в Беларуси, какие, по вашему мнению, действия следует предпринять по отношению к тем, кто это испытал?»

(можно было выбрать несколько вариантов ответа)

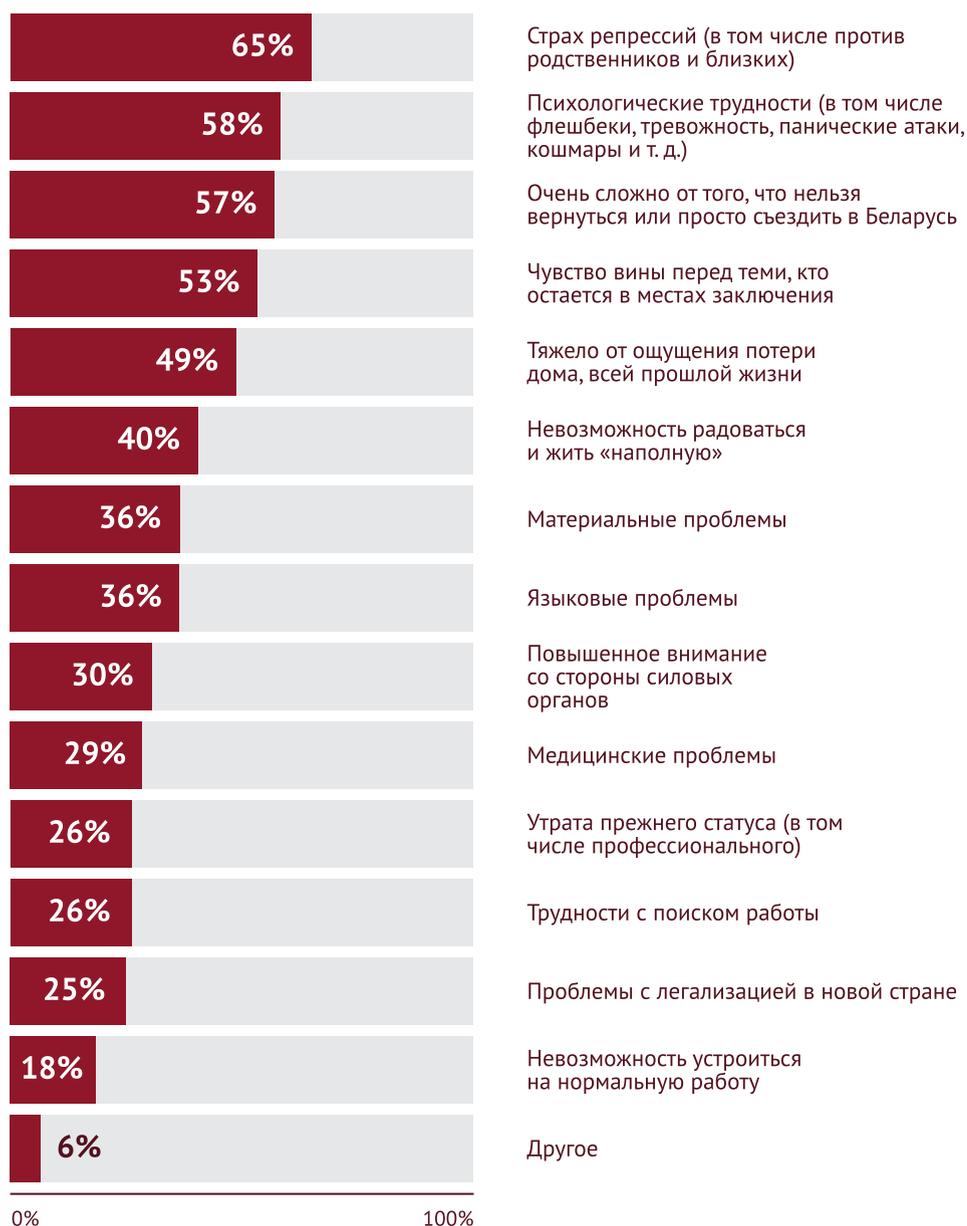
Второй блок значимых проявлений справедливости — пересмотр решений судов по политическим делам, признание политзаключенными всех, кто этого заслуживает, и прекращение репрессий с улучшением условий содержания в местах заключения. Эти позиции выбрали более половины опрошенных.

Из остальных позиций стоит обратить внимание на такую: «Возможность вернуться домой (или оставаться дома) без репрессий, но в существующем ре-

жиме». 28% респондентов_ок отметили ее как вполне возможную. То есть большое количество опрошенных теоретически могут вернуться в Беларусь, как только снизится напряженность репрессий. Даже при условии того, что сам режим Александра Лукашенко сохранится.

Если продолжать анализ на индивидуальном уровне и сфокусироваться на проблемах тех, кто пережил насилие и вынужден был покинуть страну, то тут есть ряд больших вопросов.

Распределение ответов на вопрос «С какими трудностями вы сталкивались или сталкиваетесь после пыток и/или жестокого обращения?»
(можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Во-первых, это страх репрессий, в том числе опасения относительно своих родственников_ц и близких, которые остаются в Беларуси, — об этом говорят почти две трети опрошенных.

— *Страх. Очень сильный страх... Даже когда был в Окрестина и в СИЗО, я боялся меньше, чем когда вышел. Потому что, когда я оказался там, я уже понимал, где я и что, и что со мной будет. А когда вышел, уже непонятно. Ты как ждешь смерти все время...*

Респондент_ка 1

— *...это постоянный страх за своих родственников, которые продолжают находиться в стране.*

Респондент_ка 6

Рядом с этой позицией, естественно, находится «повышенное внимание со стороны силовых органов», актуальное в любом случае, уехал_а ты или нет.

— *...я обращаюсь вот с этим заявлением, там, в Комитет по правам человека — сестра звонит и плачет, и говорит, что «Ты не отправляй ничего, потому что к нам приходят, нас вызывают...»*

Респондент_ка 8

Второе — психологические проблемы, проблемы ментального здоровья, которые отметили 58% респондентов_ок. К этому как результат прибавляется невозможность жить на полную (по максимуму), радоваться жизни (40%).

— *...панические атаки, еще было расстройство сна. И все время злость, тревожность.*

Респондент_ка 1

— *Мои кошмары, которые меня тревожат, я не могу их убрать. Вряд ли кто-то там их может почистить. Мои воспоминания, флешбеки, так сказать, подвисяния какие-то, тяжелый эмоциональный фон, когда я об этом говорю.*

Респондент_ка 6

Отдельный блок, характерный для тех, кто вынуждены были бежать от преследования, — это одиночество, невозможность вернуться в Беларусь, потеря семьи, родителей, родины. И боль за происходящее в Беларуси:

— *Мои трудности, по большей части, это то, что я потеряла дом. И то, что у меня мама дома осталась одна, ей много лет. И это все мои трудности, потому что, ну, остальное как бы я могу обеспечить.*

Респондент_ка 3

— *...самая большая трудность — это невозможность приехать к родителям... Трудность — то, что знакомые сидят в тюрьмах...*

Респондент_ка 5

К тому же у беженцев_ок добавляется специфический блок проблем, связанных с бегством и со сменой страны существования: языковые проблемы — 36%, утрата прежнего статуса (в т. ч. профессионального) — 26%, проблемы с легализацией в новой стране — 25% и т. д.

— *Если мы говорим о переезде, то любой человек, переезжая, сталкивается примерно с одинаковыми трудностями, моральное давление, финансовые вопросы, и социально устроиться... языковые какие-то вопросы, барьеры...*

Респондент_ка 6

— *Трудности — в основном, это вопросы какие-то или бюрократические, или бытовые. Что можно сделать — облегчить, наверное, какие-то вопросы легализации для людей, которые пострадали.*

Респондент_ка 9

Ну и общие проблемы, независимо от того, по какую сторону границы находится человек: материальные — 36%, медицинские — 29%, трудности в поиске работы и невозможность устроиться на нормальную работу — 26% и 18% соответственно.

В связи с этим возникает вопрос: нужна ли какая-то помощь тем, кто

пережил пытки и/или жестокое обращение? Практически все опрошенные в рамках глубинных интервью говорили, что помощь нужна.

Анализ ответов на вопросы глубинных интервью (то есть без подсказок) выявил три основные составляющие такой помощи: психологическая поддержка, медицинская реабилитация и помощь в легализации в новой стране.

— ...наверное, самое тяжелое, точнее, последствия самые тяжелые — это здоровье, причем не только на физическое, но и на ментальное...

Респондент_ка 5

— Если кому-то нужно, условно, там какие-то санатории, съездить подлечиться, психологическая помощь, как ни крути.

Респондент_ка 1

— Помощь в легализации, наверное, медицинская помощь, и второе, и третье — продолжать, продолжать документировать и собирать эту информацию, доказательства преступлений.

Респондент_ка 10

Дополнительно упоминается материальная помощь, но именно в факультативном формате. Это связано с тем, что люди — по крайней мере, уехавшие за границу — и так получают определенную помощь, и просить о большем им кажется неуместным.

— Может быть, денежная компенсация, пусть и небольшая... Ну, конечно же, у всего должны быть свои рамки, не так, чтобы человек приехал и сидел на «социалке»...

Респондент_ка 1

— ...вопросы бытовые или финансовые, мне кажется, они не должны решаться за счет налогоплательщиков страны или стран, в которых находится пострадавший человек. Это может происходить больше какими-то частными фондами.

Респондент_ка 9

Стоит отметить такой принципиальный момент: многие опрошенные утверждают, что именно им помощь не нужна (используются формулировки типа «я сильный — я справлюсь», «другим больше нужно», «мне и так уже помогали достаточно» и т. д.).

— По-моему, мне не на что жаловаться, по-моему, они делают все, чтобы я чувствовал себя на этом месте достаточно комфортно.

Респондент_ка 2

Практически то же самое было в 2020 году, когда люди выдвигали подобную аргументацию и отказывались от помощи фондов солидарности. И обращались к таким инициативам только в самых крайних случаях.

Думается, это проявление более глубоких причин, чем, например, уверенность в личных силах или установка на непринятие помощи извне. Дело в том, что у нас, у белорусов и беларусок, нет опыта лоббирования своих интересов, адвокатирования или хотя бы защиты своих прав, особенно на групповом уровне. За последнее десятилетие мы немного научились отстаивать свои права на персональном уровне и еще микроуровне, то есть защищать свою микроячейку — семью, друзей, коллектив. А вот то, что хоть немного выше, больше и шире — не знаем, не умеем и не понимаем, зачем это нужно. До последнего выживаем в одиночестве: «я сильный_ая, мне помощь не нужна», а потом — выгорел_а, изнемог_ла и брык на бок.

Данные количественного исследования говорят, что возможностью получить тот или иной вид помощи воспользовались чуть менее чем 2/3 опрошенных — 64%. 26% респондентов_ок отметили, что за помощью не обращались, потому что со всем справились самостоятельно. И еще 10% отметили, что им не хватает информации о том, куда и за какой помощью можно обращаться. Если говорить более детально, то ту

или иную помощь получили: материальную — 39% опрошенных, юридическую — 33%, психологическую — 31%, медицинскую — 25%. Помощь по решению организационных вопросов получили 12% респондентов_ок.

Распределение ответов на вопрос «Какого типа помощь вам была нужна?» (можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Если говорить о том, что еще может быть сделано, в частности, властями тех стран, где сейчас находятся пережившие пытки и/или жестокое обращение (кроме Беларуси), то в рамках глубинных интервью этот вопрос вызвал определенные трудности. Как оказалось, беларусам_кам рассуждать о помощи в свою сторону сложно. Поэтому основных пожеланий было фактически два: местным властям:

– Они могли бы помочь адаптироваться на новом месте... если мы не можем сейчас вернуться... они могли бы помочь как минимум себя чувствовать здесь более живыми...

Респондент_ка 6

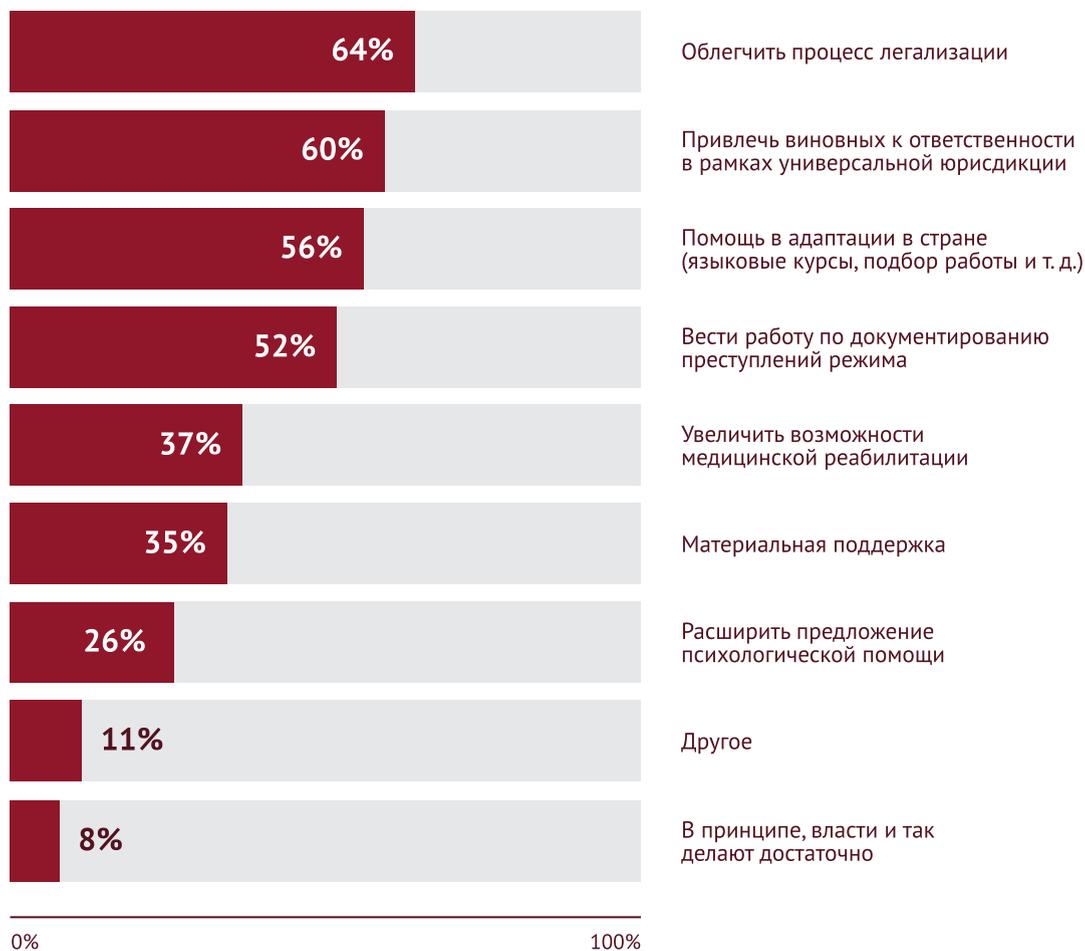
международным организациям и правозащитникам:

– не могу ничего советовать международному сообществу и правозащитникам, но я бы... более направленно работала бы с политзаключенными, которых очень много...

Респондент_ка 3

В количественном исследовании, где надо было не рассуждать самостоятельно, а выбирать из ряда вариантов, отвечать респондентам_кам было гораздо легче. Как видно из таблицы, доминирующие позиции здесь в целом совпадают с тем, что говорили респонденты_ки в рамках глубинных интервью: во-первых, необходимо облегчить процесс легализации (64%) и адаптации в новой стране (56%); во-вторых, работа по привлечению режима к ответственности (60%) и по документированию преступлений режима (52%). Ну и в дополнение к этому возможности медицинской реабилитации (37%), материальная поддержка (35%), психологическая помощь (26%).

Распределение ответов на вопрос «Что, по вашему мнению, могли бы сделать власти страны, где вы сейчас находитесь, чтобы помочь потерпевшим от пыток и/или жестокого обращения достичь правосудия или облегчить их положение?»
(можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Отдельным блоком в исследованиях шли вопросы, которые касались групп или сообществ, которые бы объединяли белорусов и беларусок, переживших пытки и/или жестокое обращение. Оказалось, что на гипотетическом уровне респонденты_ки готовы рассуждать о необходимости и пользе таких объединений и сообществ.

– (такие сообщества) Могли бы поддерживать какими-то контактами, какими-то связями, какими-то трудоустройствами, какими-то лайфхаками в новом месте, в новой стране.

Респондент_ка 6

– Конечно, было бы важно, чтобы люди собирались, чтобы люди знали друг о друге, чтобы эти организации занимали инфор-

мативно и своими делами, занимали определенные ниши и добивались результата...

Респондент_ка 4

В численном измерении это выглядит следующим образом: то или иное участие в сообществах подобного направления (и, если судить по ответам на открытые вопросы, более широкого, общедиаспорального типа) принимает только 27% опрошенных (что-то делают регулярно — 9%, время от времени — 11%, редко — 7%).

А относительно того, насколько были бы полезными такие сообщества, то их гипотетическую ценность конкретно для себя отметили только 23%. Еще 32% высказались за то, что в целом это полезно, хоть и не для них лично, а 23% респондентов_ок выбрали вариант ответа «Трудно сказать».

— Я лично в таких группах не нуждаюсь, поэтому эта тема меня не интересует, ну лично меня.

Респондент_ка 2

— Ну для меня лично наверное нет такой острой необходимости.

Респондент_ка 1

В завершение, несколько важных моментов. Отдельная тема для белорусов и белорусок — отношение к насилию в целом. Исследование 2019 года показало⁴⁴, что у белорусов в целом высокий уровень толерантности к государственному насилию. Этот тезис справедлив и в рамках оценки насилия в отношении к себе. Особенно после 2020 года, когда насилие стало обычным, рутинизировалось. Ситуацию ухудшает сравнение своей ситуации с гипотетическими другими, прежде всего теми, кто сейчас находится в местах заключения. Работает логика, где, грубо говоря, «Синяки прошли, ну и ладно...».

— В принципе, все, что я пережил, я то уже, можно сказать, исправил сам. Уже.

Респондент_ка 1

— ... я не получил каких-то непоправимых проблем со здоровьем... меня избивали, но это прошло.

Респондент_ка 9

В результате в пытках и жестоких условиях содержания люди часто не видят ничего экстраординарного. Получается, что насилие — оно скорее вторично; часто первое место занимает другое преступление, опять же «исторического плана» — захват и удержание власти, фальсификация результатов выборов и вытеснение людей с родины (встречаются мнения, что насилие — глупость, гораздо больнее, что со своей земли прогнажи).

— Ничего страшного нет, жизнь продолжается, но отрезали от моей земли...

Респондент_ка 6

— Также много знакомых, кто были как-то наказаны, избиты, другие ситуации. Ну и в целом восприятие этой реальности сегодняшней, ощущение, в каком состоянии находится Беларусь. В каком состоянии находятся люди, которые остаются там? Мне кажется, что это такие самые... ну для меня самые трудные вещи сейчас.

Респондент_ка 5

Еще один важный момент. В своих рассуждениях о справедливости люди редко руководствуются принципом та-лиона («око за око», возмездие).

— ... условно говоря, в день, когда ты 30 человек садишь на 15 суток каждого, вот эти все сутки ты тоже должен отсидеть... Чтобы каждые сутки, которые он дал несправедливо какому-то человеку, чтобы он сам их тоже отсидел за каждого.

Респондент_ка 12

С большего люди все же руководятся другим, они требуют восстановления законности — и наказания виновных в насилии в судебном порядке («пусть решает суд», «потерпевшие не могут судить» и т. д.).

— Все должно быть по закону. Есть закон, и по нему должны этих людей судить. И это не могут решать те, кого пытали... если это будет, то при новой власти, я надеюсь, что это будет решать закон, суд.

Респондент_ка 3

В целом же лейтмотив, вероятно, такой: задача минимум — прекращение репрессий. А задача максимум — свержение режима и возвращение на родину.

— ... не представляется мне, что сможет как-то меня в этом смысле успокоить. Но вот когда эта ситуация разрешится, когда людей перестанут так задерживать, пытаться, репрессировать, вот тогда, наверное, я вздохну с облегчением... с моей точки зрения, справедливо будет, когда режим падет.

Респондент_ка 7

44 «Измерение уровня толерантности белорусов к государственному насилию». Отчет по результатам исследования. <https://survey.protivpytok.org/>

Послесловие

История показывает, что успешные переходы к демократии основываются на вовлечении всех слоев общества, особенно наиболее пострадавших от предыдущего режима. Пострадавшие от репрессий должны иметь возможность не только быть услышанными, но и активно участвовать в формировании нового демократического порядка. Опыт людей, переживших страдания, дает уникальное понимание того, какие изменения необходимы для восстановления справедливости. Игнорирование же их голосов может привести к новым формам несправедливости и воспроизведению проблем, идентичных тем, против которых мы боремся сегодня.

Международные стандарты говорят, что процессы правосудия переходного периода должны быть ориентированы на интересы потерпевших, признавая их центральную роль и особый статус в разработке и осуществлении этих

процессов. Помимо простого учета мнения, ученые-эксперты международного права говорят, что потерпевшие не должны рассматриваться лишь как пассивные получатели правосудия. Эффективное правосудие переходного периода должно быть построено на учете потребностей каждого_ой конкретного_ой пострадавшего_ей, что обеспечивает их активное участие в процессе перехода от диктатуры к демократии и поможет восстановить их доверие к правовой системе. Иначе существует риск утраты индивидуального подхода в процессах восстановления прав.

Мы убеждены, что путем широкого общественного диалога, уважения различных мнений всех пострадавших можно построить демократическое общество, которое будет защищать права всех граждан_ок и предотвращать повторение прошлых ошибок.

Приложение

Атрибутирование респондентов и респонденток глубинных интервью

Респондент_ка 1 — мужчина, 21–30 лет,
образование среднее специальное, 2020.

Респондент_ка 2 — мужчина, 41–50 лет,
образование неоконченное высшее, 2022.

Респондент_ка 3 — женщина, 31–40 лет,
образование неоконченное высшее, 2020.

Респондент_ка 4 — мужчина, 60+ лет,
образование высшее, 2023.

Респондент_ка 5 — мужчина, 31–40 лет,
образование высшее, 2020.

Респондент_ка 6 — мужчина, 31–40 лет,
образование высшее, 2021.

Респондент_ка 7 — мужчина, 21–30 лет,
образование неизвестно, 2022.

Респондент_ка 8 — женщина, 51–60 лет,
образование высшее, 2023.

Респондент_ка 9 — мужчина, 21–30 лет,
образование среднее, 2022.

Респондент_ка 10 — мужчина, 31–40 лет,
образование высшее, 2023.

Респондент_ка 11 — женщина, 51–60 лет,
образование неизвестно, 2021.

Респондент_ка 12 — мужчина, 31–40 лет,
образование высшее, 2023.

2024